

в своем тексте слово «Поучение» вместе со словом «грамотица».¹ Не возможно ли отсюда предположить, что перед нами и «грамотица» и «Поучение», искусственно слитые вместе? Не дают ли на это некоторое право и те места текста, которые как будто намекают на различные цели двух, в настоящее время слитых, но некогда раздельно существовавших произведений? В одном месте говорится: «Да дети мои или ин кто, слышав сию грамотицу», в другом — «си словца прочитаюче, дети моя»; словно Мономах в одном случае обращается к слуху неграмотного человека, а в другом к зрению грамотея. . .

8

Мы подходим к заключительному вопросу нашего исследования, который вновь возвращает нас к англо-саксонскому памятнику. Если бы удалось доказать, что собственно поучение и «автобиография» Мономаха не составляют цельного произведения, а были объединены переписчиком, подобно тому, как это сделал он с автобиографией и письмом к Олегу, то тем самым аналогия между древне-русским и англо-саксонским поучениями показалась бы еще более интересною. Тогда существующее между ними сходство могло бы распространяться и на те цели, какие преследовали оба этих произведения, на их служебное назначение. Англо-саксонское, как уже было указано, было, вероятно, создано для того, чтобы служить для обучения и воспитания королевича. Быть может, оно служило своего рода школьным пособием, по которому упражнялись в грамоте, усваивая в то же время несложный кодекс христианской морали и получая самые общие наставления относительно будущего поприща: ведь в ту эпоху, и у англо-саксов и на Руси быть хорошим королем, по мнению церковников, значило прежде всего быть добрым христианином. Не могла ли для той же цели великокняжеской «школы» служить и «грамотица», как ее называет Мономах? Недаром с давних пор его «Поучение» причислено к самым ранним памятникам русской педагогической мысли.² Не был ли это своего рода учебник, написанный Мономахом для своих детей от Гиты Гарольдовны? Тогда и соседние цитаты: из Василия Великого (взятые, вероятно, из «Изборника» 1076 г.), из Триоди и особенно из «Псалтыри», учебная роль которой на Руси известна, превращает «Поучение» в своеобразную школь-

¹ Е. Будде в Русск. Фил. вестн., 1898, стр. 238—239 по позднему списку реставрирует предполагаемое начало «Поучения»: «. . . се пишу поучение вам» и т. д.

² М. И. Демков. История русской педагогики, ч. I. Древне-русская педагогика (X—XVII в.). Ревель, 1896, стр. 45—47; Он же. Влияние западно-европейской педагогики на русскую. ЖМНП, 1910, кн. 5, отд. III, стр. 29—30.